

---

---

# ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

---

УДК 81-2

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-1-98-115

## Монгольские компоненты в составе якутских фразеологизмов, характеризующих человека (сравнительно-сопоставительный аспект)

*Р. Н. Анисимов*

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

✉ anisim.rn@yandex.ru

**Аннотация.** Из картотеки «Фразеологизмы, характеризующие человека, в якутском и тюркских языках Южной Сибири, турецком и казахском языках», составленной автором, было установлено 75 лексем-монголизмов в якутском языке. Данная статья является первым специальным исследованием данных лексем-монголизмов, входящих в состав якутских фразеологизмов (соматизмы; лексем, обозначающие предметы материальной культуры). Цель данного исследования – выявить ареал распространения монголизмов, входящих в состав якутских фразеологизмов, установить фразеологические параллели в других тюркских языках, определить мотивационные основы фразеологизмов, характеризующих человека, тем самым внести определенный вклад в прояснение проблемы якутско-монгольских контактов. Ценность фразеологизмов заключается в том, что, оставаясь неизменными, они сохраняют национальную самобытность и отражают характерные признаки исторической эпохи, в которой они возникли. Исследование монголизмов в якутском языке опирается на научные труды Е. И. Убратовой, С. Калужинского, В. И. Рассадина, Н. Н. Ширококовой, Н. К. Антонова, Г. Г. Левина, А. Е. Шамаевой и др. В результате проведенного исследования установлено, что монголизмы, входящие в состав якутских фразеологизмов, можно подразделить на следующие типы: а) монголизмы, заимствованные тюркоязычными предками якутов ещё во времена, когда они проживали на «южной» прародине; б) монголизмы, ранее приобретенные на «южной» прародине в составе тюркского кыпчакского компонента; в) монголизмы, проникшие уже в географически разделенные группы тюркских языков от определенных монгольских языков; г) монголизмы, полученные через «неизвестный» среднемонгольский язык-источник и/или бурятский язык. Подавляющее большинство рассмотренных якутских фразеологизмов с монгольскими компонентами не обнаруживает параллелей в тюркских языках, что подтверждает тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе его развития в условиях неkontakта с тюркскими языками Южной Сибири. Перспективы исследования видятся в дальнейшей реконструкции фразеологического фонда якутского языка для внесения существенного вклада в решение проблемы якутско-монгольских контактов.

**Ключевые слова:** фразеологизм, якутский язык, монгольские языки, тюркские языки, монголизмы, фразеологические параллели, фразеологический фонд, качественно-оценочная характеристика человека, бурятский язык, история языка.

**Для цитирования:** Анисимов Р. Н. Монгольские компоненты в составе якутских фразеологизмов, характеризующих человека (сравнительно-сопоставительный аспект). Вестник СВФУ. 2024, Т. 21, №1. С. 98–115. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-98-115

© Анисимов Р. Н., 2024

## **Mongolian components in Yakut phraseological phrases characterising a person (comparative aspect)**

*R. N. Anisimov*

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ anisim.rn@yandex.ru

**Abstract.** From the card index “Phraseologisms characterising a human being in Yakut and Turkic languages of South Siberia, Turkish and Kazakh” compiled by the author, 75 lexeme-mongolisms in the Yakut language were identified. This article is the first special study of these lexemes-mongolisms, which are part of Yakut phraseologisms (somatism; lexemes denoting objects of material culture). The aim of this study is to identify the area of distribution of Mongolisms included in Yakut phraseological phrases, to establish phraseological parallels in other Turkic languages, to determine the motivational bases of phraseological phrases characterising human beings. Thus, to make a certain contribution to the clarification of the problem of Yakut-Mongolian contacts. The value of phraseologisms lies in the fact that remaining unchanged, they preserve national identity and reflect the characteristic features of the historical epoch in which they originated. The study of Mongolisms in the Yakut language is based on the scientific works of E.I. Ubryatova, S. Kaluzhinsky, V.I. Rassadin, N.N. Shirobokova, N.K. Antonov, G.G. Levin, A.E. Shamaeva and others. As a result of the study, it was established that: Mongolisms included in Yakut phraseologisms can be subdivided into the following types - a) Mongolisms borrowed by the Turkic-speaking ancestors of the Yakuts back in the times when they lived in the “southern” ancestral homeland; b) Mongolisms previously acquired in the “southern” ancestral homeland as part of the Turkic Kypchak component; c) Mongolisms that penetrated already in geographically separated groups of Turkic languages from certain Mongolian languages; d) Mongolisms acquired through an “unknown” Middle Mongolian source language and/or Buryat language. The overwhelming majority of the considered Yakut phraseologisms with Mongolian components do not find parallels in the Turkic languages, which confirms the thesis that the formation of these phraseologisms took place in the process of their development under conditions of non-contact with the Turkic languages of South Siberia. The prospects of the study are seen in further reconstruction of the phraseological fund of the Yakut language in order to make a significant contribution to the solution of the problem of Yakut-Mongolian contacts.

**Keywords:** phraseologism, Yakut language, Mongolian languages, Turkic languages, Mongolisms, phraseological parallels, phraseological fund, qualitative-evaluative characteristic of a person, Buryat language, history of language.

**For citation:** Anisimov R. N. Mongolian components in Yakut phraseological phrases characterising a person (comparative aspect). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 1. Pp. 98–115. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-98-115

### **Введение**

В теории языковых контактов С. А. Бурлак отмечает наличие в основном двух типов языковых сдвигов [1]: 1) языковой сдвиг в сторону языка большинства. Язык, на котором говорит большая группа людей, подвергается влиянию чужого языка, который является либо языком властной элиты, либо языком небольшого аборигенного населения. Меньшинство, переходящее на язык большинства, вынуждено выучить большую часть грамматики языка победителя, но сохраняет несколько лексем, не имеющих эквивалентов в языке победителя. Это, например, названия местной флоры, фауны, деталей ландшафта, либо слова, необходимые для общения с правящим истеблишментом. В таком случае

следы грамматической интерференции минимальны, а базовая лексика не затрагивается. Генетика и мифология будут переняты в основном у народа-победителя с некоторой примесью чужих элементов. Материальная культура будет смешанной; 2) языковой сдвиг в сторону языка меньшинства. Иногда случается так, что языковое меньшинство становится доминирующим, что приводит к тому, что все жители региона переходят на его язык. Тогда результирующий язык требует большого количества заимствований даже в базовой лексике; кроме того, некоторые базовые слова могут быть заменены производными, фонетические соответствия – сложными, грамматическая интерференция – многочисленной.

Как известно, тюркоязычные предки якутов контактировали с монголоязычными племенами достаточно длительное время, и это наводит на мысль о сложном языковом сдвиге – неоднократном переходе монголоязычных племен на тюркский якутский язык. Вопрос о переходе на язык большинства или меньшинства, нам кажется, можно считать открытым, так как современный якутский язык достаточно сильно отличается от других тюркских языков. Базовая лексика и фонетика якутского языка местами выдают неожиданные моменты, которые свидетельствуют о наличии сложных внутриязыковых изменений и интерференций.

В настоящее время в научной среде актуальна гипотеза Е. И. Убрятовой, Н. Н. Широбоковой, Н. К. Антонова [2], В. И. Рассадина [3] о том, что нынешняя территория Якутии до прихода тюркоязычных предков якутов была заселена монголоязычными племенами.

Н. Н. Широбокова поддерживает гипотезу Е. И. Убрятовой – выделение «трех этапов во взаимоотношениях якутского языка (точнее праякутского языка – какого-то тюркского диалекта, близкого к языку орхонских надписей, составившего основу якутского языка) с монгольскими языками: длительная совместная жизнь тюркоязычных предков якутов с какими-то группами монголов; переход монголов на якутский язык – образование акающих говоров на территории объякученных монголов; распространение якутского языка среди эвенов и эвенков» [4, с. 165]. Е. И. Убрятова полагает, что в первом этапе – тюркоязычный народ, по всей вероятности, был очень малочисленным и пользовался монгольским языком [5]. Гипотезу о малочисленности древних тюркоязычных предков якутов также поддерживает С. А. Иванов: «Исторические, лингвистические и другие факты свидетельствуют о том, что это небольшое племя» [6, с. 63]. Необходимо отметить, что выдвинутая гипотеза о вероятной малочисленности праякутов подтверждается современными исследованиями в области генетики якутского этноса «результаты полногеномных исследований современных и древних популяций Сибири полностью согласуются с идеей, что предки якутов жили когда-то в непосредственной близости от предков бурят и тувинцев на берегах оз. Байкал <...> в отличие от народов Южной Сибири, геном якутов более однороден и «обеднен» по составу компонентов, что еще раз подтверждает малочисленность предковой популяции, отделившейся от генетического субстрата, общего с южными тюркоязычными народами» [7, с. 40–41]. На вопрос, когда же отделился якутский язык от основной массы тюркских языков, в настоящее время ответ могут дать последовательное применение компаративистического метода и современные компьютерные технологии, которые позволяют приблизиться к точным датировкам хронологии генеалогических древ тюркских языков и генетически достоверным данным. По А. В. Дыбо, обследования производились по лексико-статистическим данным уточненного списка значений стословника Яхонтова–Старостина и «обрабатывались по уточненной методике Старостина, с обнулением опознаваемых заимствований, в программе Starling» [8, с. 766], в результате чего возможное выделение якутской ветви датируется 160 г. н. э.

После отделения от основного ствола тюркских языков якутский язык долгое время функционировал самостоятельно, это отмечает С. А. Иванов: «Многие языковые факты говорят в пользу того, что в истории развития языка якутов был довольно продолжительный этап относительно стабильного равновесия. А потом это равновесие постепенно

нарушилось в результате контактирования с племенами и языками иной фонологической системой, массового наплыва монголизмов и других иноязычных элементов» [6, с. 64].

Видимо, монгольское влияние на якутский язык происходило в несколько этапов: 1) во времена, когда тюркоязычные предки якутов жили в Саяно-Алтайском нагорье в тесном соседстве с предками тувинцев, тофаларов, хакасов, шорцев, алтайцев и др.; 2) во времена, когда предки якутов жили у оз. Байкал; 3) во времена, когда предки якутов прибыли в районы верхнего и среднего течения р. Лена, т. е. на современной территории Якутии.

На наш взгляд, пролить определенный свет на данный вопрос может сравнительно-сопоставительное изучение базисного понятия «человек» в системе «законсервированных» фразеологических единиц (далее – ФЕ), в которых в большей степени сконцентрирован культурно-исторический опыт и образная картина мира народа. Как известно, в отличие от лексических единиц, фразеологические единицы менее подвержены влиянию внешних факторов. Оставаясь неизменными, они сохраняют национальную самобытность и отражают характерные признаки исторической эпохи, в которой они возникли.

Достижение этой цели требует привлечения значительного объема фразеологического материала из различных родственных языков и диалектов, которые столь необходимы для выявления особенностей истории языковых контактов предков якутов внутри своей агломерации, и установления степени близости с родственными тюркскими языками.

Объектом исследования являются монгольские компоненты в составе якутских ФЕ – соматизмы и лексемы, обозначающие предметы материальной культуры.

Цель данной статьи – выявить ареал распространения монголизмов, входящих в состав якутских фразеологизмов, установить фразеологические параллели в других тюркских языках, определить мотивационные основы фразеологизмов, характеризующих человека.

Основными методами и приемами исследования являются: компонентный метод в части выделения из состава фразеологических единиц опорных (ядрообразующих) лексем-компонентов; метод сравнительно-сопоставительного анализа фразеологии, который позволяет установить тюркские фразеологические параллели; элементы сравнительно-исторического (этимологического) анализа при выявлении истоков происхождения монгольских лексем-компонентов; элементы лингвокультурологического комментирования при выяснении внутренней формы и раскрытия мотивационных основ фразеологизмов.

Как известно, С. Калужинский считал, что монгольские заимствования в якутском языке относятся к среднемонгольскому периоду или даже могут быть моложе [9]. В. И. Рассадин предполагает, что «общемонгольские слова попали в якутский язык из средневекового бурятского языка, имевшего в то время черты, аналогичные другим средневековым монгольским языкам» [10, с. 8]. Г. Г. Левин изучил историческую связь якутского языка с языками рунических текстов древнетюркской письменности в их отношении к монгольским языкам и пришел к выводу, что по отношению к якутским параллелям наиболее высокий показатель отмечается в среднемонгольском языке [11]. Нь. М. Иванов рассмотрел якутские топонимы-монголизмы и выявил фонетические соответствия, отражающие особенности монгольского языка еще до XIII столетия [12]. А. Е. Шамаева исследовала фонетические особенности монгольских параллелей диалектной лексики якутского языка и определила, что основная масса диалектных слов-монголизмов проникла из среднемонгольского языка, при этом обнаружила 24 корневые основы, которые можно отнести «к древнейшим якутско-монгольским контактам» [13, с. 177–178]. Несомненно, понять на какой лингвистической почве монголизмов (среднебурятской, среднемонгольской, прамонгольской) основывается базисное фразеологическое понятие «человек» в якутском языке можно путем проведения тщательного сравнительного анализа и привлечения обширного лексического материала из различных тюркских и монгольских языков. Фразеологу необходимо овладеть основами знания в области

фонетики как тюркских, так и монгольских языков. У компаративистов-тюркологов существует «положение»: если та или иная якутская лексема мало представлена или вовсе отсутствует в родственных тюркских языках и находит параллель с ‘аналогичной’, ‘расширенной’, ‘суженной’ семантикой во многих или в нескольких монгольских языках, то с большой вероятностью можно говорить о том, что она заимствована из монгольских языков и является монголизмом в якутском языке.

Как правило, носители языка в процессе повседневных наблюдений, жизненного опыта подбирают в состав фразеологизмов слова, прочно вошедшие в их лексикон, малоупотребительные лексемы обычно не входят в структуру ФЕ.

### Соматические компоненты

Як. *сирэй* (*сырай*) ~ хак. *сырай* ~ алт. *чырай* ~ тув. *шырай* ‘лицо’

Данную лексему исследователями принято считать монголизмом в сибирских тюркских языках, вероятно, проникшим уже в географически разделенные группы тюркских языков [14, с. 151], [15, с. 1366] < \**čirai* ‘лицо; выражение лица’; ср.-монг. (Сокровенное сказание) *cirai*; ср.-монг. (Хуа и и юй) *čirai*; ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *čirai*; письм.-монг. *čirai*; халх. *caray*; бур. *šaray*; барг.-бур. *šarai*; минг.-манх. *čirai* [16, с. 303–304].

Следует отметить, что региональный монголизм *сирэй* (*сырай*) ‘лицо’ в современном якутском языке является первичным в употреблении, тогда как в тюркских языках Южной Сибири сохраняются также и другие наименования лица: это 1) тув. *арын* ‘лицо’; 2) алт. *jūs*; хак. *чүс*; (як. *сүүс* ‘лоб’; орх. *jüz*) восходит к пратюрк. \**jü:z*. Вместе с тем, как отмечают тюркологи, якутское значение *сүүс* ‘лоб’, «будучи периферийным и при этом производным от ‘лица как части тела’, указывает на более архаичный характер этого значения по сравнению с другими» [17, с. 206].

Региональный монголизм ‘лицо’ як. *сирэй* (*сырай*) ~ хак. *сырай* ~ алт. *чырай* ~ тув. *шырай* формирует следующие оценки индивидуальных свойств и качеств человека:

– при номинации лицемерного, прибегающего к притворству, обману человека, скрывающего свои истинные чувства, намерения, употребляют ФЕ: як. *икки сирэй(дээх)* [18, стб. 2477]; хак. *iki сырайлыг* – букв. с двумя лицами [19, с. 32];

– воссоздается образ человека крайне дерзкого и бесстыдного, бессовестного: як. *сирэйэ суох* – букв. без лица [18, стб. 2476]; хак. *сырайы чох* – букв. лица нет [20, с. 141]. В сознании носителей языка у излишне дерзкого и бесстыдного человека отсутствует лицо. Можно сказать, что лицо человека выступает социальным мериллом, отражающим этические нормы поведения данного социума;

– образ человека с толстой кожей ‘лица’ усиливает семантику отрицательной оценки бессовестного человека: як. *сирэйин тириитэ халын* – букв. кожа его лица толстая [21, с. 445]; алт. *калын чырайлу* – букв. с толстым лицом, обликом; хак. *калын сырайлыг* – букв. с толстым лицом [19, с. 784]. В образно-мотивационной основе ФЕ лежит стереотипное представление о том, что у наглого, беззастенчивого человека лицо толстое, при этом толстокожесть подразумевает неспособность лица отражать совесть и добронравие его обладателя.

В алтайском, тувинском, хакасском языках обнаруживаются параллели фразеологизмов, характеризующие человека с обаятельной внешностью, которые в якутском фразеологическом фонде не установлены. Так, при номинации приятного на вид, миловидного человека употребляют: алт. *чырайлу* – букв. с лицом; тув. *шырайлыг* – букв. с лицом [22, с. 590]. Данная оценка находит оппозицию → ‘некрасивый’: алт. *чырай чок* – букв. лица нет; тув. *шырай чок* – букв. без лица; хак. *сырай-пазы чох* – букв. без лица и головы [19, с. 557]. Эти ФЕ характеризуют человека, имеющего непривлекательные черты лица.

Як. *ньуур* ‘лицо человека, лик’

Як. *ньуур* ‘лицо человека, лик’ – очевидный монголизм: ср.-монг. (Сокровенное сказание) *ni'ur*, ср.-монг. (Хуа и И юй) *ni'ur*, ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *ni'ur*, орд. *ни:r*, бур. *нуиur*, барг.-бур. *нуо:r*, хуз.-монгор. *ни:r*, могол. *ни:r* [16, с. 459].

Монголизм *ньуур* ‘лицо человека, лик’ в паре с другим монголизмом *бэйэ* ‘свой’ обнаруживается в устойчивом сочетании (эпитете) характеристики женской красоты в олонхо: *ыйдаабар ыраас ньуурдаах, куннээбэр кунду бэйэлээх* – букв. с ликом луны светлее, солнца ясного дороже [23, с. 86]. Схожие компаративные устойчивые конструкции встречаются в казахском и алтайском языках (без аналогий по монголизмам) – каз. *айдай таза, кундей нұрлы* – букв. чиста как луна, лучезарна как солнце [24, с. 15], каз. *ай мен кундей (сұлу)* – букв. красива подобно месяцу и солнцу [24, с. 15]; алт. *ай жалтагы ол чырайы, айга бербес алтын ошкош* – сияния лунного лица ее подобно золоту, с луной не спутаешь (досл. не отдашь луне), алт. *күн жалтагы ол чырайы, күнге бербес күмүш кептү* – сияния солнечного лица ее, подобно серебру, с солнцем не спутаешь (досл. не отдашь солнцу) [25, с. 226].

Як. *дьюлай* ‘темя’

Якутский соматизм *дьюлай* – очевидный монголизм < п.-монг. *дьюлай* [21, с. 437] < \**julai* (\**jula*) ‘родничок, темя’ – п.-монг. *julai, jula*, халх. *zulay*, орд. *julä*, бур. *zulay*, барг.-бур. *zolai* [16, с. 393] < *jULAI* – халх., бур. *зулай*, калм. *зула (анат.)* ‘темя, макушка, родничок’ [26, с. 89].

Якутская лексема *дүүлэй (дьюлай)* ‘темя’ в составе ФЕ участвует при номинации матерого человека, претерпевшего жизненные невзгоды: «*быара ханаабыт, дүүлэйэ (дьюлайа) бүппүт киһи* – букв. человек с заросшей печенью и теменем» [18, стб. 3310], что означает ‘опыт достигается через истощение здоровья’.

Як. *орой* ‘темя, макушка’

По предположению исследователей, лексема *орой* ‘темя, макушка’ тюркскими языками заимствована из монгольских языков [27, с. 324] < *OROI* (← *orai* ← \**or-ai*) – халх., бур. *орой*, калм. *ора* ‘вершина, верхушка, верх; макушка, темя; крыша’; халх. (астр.) ‘зенит’. Представлен в кыпчакских языках – кирг. *орой* ‘макушка головы’; каз. *орай* ‘завиток волос на голове’ [28, с. 216].

В якутском языке с помощью соматизма *орой* ‘темя, макушка’ номинируется шустрый, непослушный ребенок, гиперактивность которого, видимо, связана с избытком «жизненной энергии» [29, с. 28]: як. *оройунан көрбүт* – букв. смотрит через свое темя [21, с. 328].

Як. *чабырбай* ‘часть черепа от уха до лба, висок’

Якутский соматизм *чабырбай* происходит от монгольского источника < *ĀIMARQAI* [\**čimar-qai*] – халх. *чамархай*; бур. *сабиргай* ‘висок, височная кость’ [26, с. 144]; \**čimarkai* ‘висок’ – п.-монг. *čimarqai*; халх. *čamarxay*; бур. *sabirgay*, барг.-бур. *samarxai* [16, с. 302].

*Чабырбай* ‘висок’ в составе якутской ФЕ участвует в качественной характеристике человека упрямого, своенравного < *умсары чабырбайдаах* – букв. с виском вверх дном [22, с. 153]. В коллективном сознании в негативном ключе оценивается личность, постоянно демонстрирующая свое противоположное мнение и упрямое поведение. Номинация образа такого человека основывается на образном признаке ‘вверх дном’. Аналогичная по семантике, но отличающаяся по структуре ФЕ обнаруживается в тувинском языке: *дедир төрээн* – упрямый, букв. родившийся вперед ногами [30, с. 73].

Як. *чопчу* ‘сосок’; *кулугу* ‘сера (ушная)’

В БТСЯЯ к як. *чопчу* ‘сосок’ приведены монгольские параллели: бур. *тобишо* ‘пуговица’, монг. *товч(ин)* ‘пуговица; сосок; пуля’ [21, с. 184]. Также в монографии Н. Nugteren и ЭСМЯ можно проследить распространение данной лексемы среди монгольских языков: \**tobči* ‘пуговица’ – ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *tobči*; п.-монг. *tobči*; бур. *tobšo*; вост.-югур. *təbčə, tobčə* [16, с. 521]; *ТОВČИ* – халх., калм. *товч*; бур. *тобишо* ‘пуговица; сосок, пуля’. Есть параллель и в кирг. *тончу* ‘пуговица’ [31, с. 207]. В якутском языке произошел семантический сдвиг – метафорический перенос значения монг. ‘пуговица’ → як. ‘сосок’.

Якутская лексема *кулугу* ‘сера (ушная)’, по всей видимости, относится к монгольским языкам < *QULIKI* – халх. *хулхи*; бур. *хулха*; калм. *хулх* ‘внутреннее ухо; сера в ушах’

[31, с. 166]. Монгольское слово распространено также и в других тюркских языках – кирг. *кулку*; каз. *кулык* ‘ушная сера’; хак. (саг.) *хулху*, *хунуха* ‘ушная сера’.

Вышеприведенные монгольские элементы участвуют в актуализации превосходной степени ценности при номинации родного дитя: *сүрэбим чончута* – букв. соски моего сердца [32, с. 147], *кулгаабым кулугута* – «(он мне) точно восковина для уха» [33, с. 195].

*Як. киэли ‘брюхо, брюшина’*

Як. лексема *киэли* ‘брюхо, брюшина’ – очевидный монголизм < \**keeli* ‘живот, брюхо’ – ср.-монг. (Сокровенное сказание) *ke’eli*, ср.-монг. (Хуа и И юй) *ke’eli*, ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *ke’li*, ср.-монг. (Лейденский словарь) *ke’li*, *ke’li*, бур. *xeeli*, дунс. *kieli* [16, с. 408]; дагур. *кээль* ‘живот, брюхо’ [34, с. 101].

Соматизм *киэли* ‘брюхо, брюшина’ в якутском языке участвует в оценочной характеристике обжоры, ненасытного, прожорливого человека – *киэн киэлилээх* – букв. с обширным брюхом [18, стб. 3429]. Данная номинация также встречается в тувинском и хакасском языках, но с другим родственным компонентом *хырын* ‘желудок’ / *харын* ‘брюхо’ (в як. *ханны* ~ *харын* ‘брюхо’) – тув. *хырын ээзи* – букв. хозяин желудка, тув. *хырны улуг* – букв. желудок большой [22, с. 117]; хак. *тоспас харын* – букв. ненасытное брюхо [19, с. 654].

*Як. борбуй ‘подколенки’*

Якутский соматизм *борбуй* ‘подколенки’ – монголизм в тюркских языках < монг. *borbi* ‘подколенные сухожилия’ [35, с. 81] < *BORBİ* – халх. *борви* ‘пяточное сухожилие’; бур. *борьбо* ‘голень’; калм. *бөрв* ‘коленное сухожилие, коленный изгиб’. Монголизм употребляется в кыпчакских языках – кирг. *борбуй* ‘пах’ [36, с. 98]; каз. *борбай*, *борнай* ‘пах, ляжка’ [37, с. 387].

Лексема *борбуй* ‘подколенки’ используется для характеристики периода взросления и возмужания человека: *борбуя сонуур* – букв. полнеют подколенки [38, с. 388]; *борбуйун көтөхнүт* – букв. поднявший подколенки [39, с. 138]. Семантические параллели в алтайском и тувинском языках: алт. *колга-бутка турган* – букв. встал на руку-ногу [40, с. 137]; тув. *буду эзеңиге чет* – букв. нога его стремени достичь.

*Як. үүдэһин ‘сухожилия, связки’*

Як. *үүдэһин* ‘сухожилия, связки’ – очевидный монголизм < *ÜDEGESÜ* (*üdü-gesü*) – халх. *үдээс* шнур, нить, которыми что-либо прошито; сшивка [31, с. 207]; монг. *үдээсэн* ‘шнур, нить (которыми что-л. прошито); сшивка’, бур. *үдөөһэн* ‘шнуровка’ [21, с. 578]. По фонетическому облику як. *үүдэһин* близок к бур. *үдөөһэн*, также тут произошел семантический сдвиг – метафорический перенос значения монг. ‘шнуровка’ → як. ‘сухожилия, связки’.

В якутской фразеологии фиксируется оценочная характеристика физиологического изменения человека в пожилом возрасте, у которого уже размягчаются связки: *үүдэһинэ өһүллүбүт* – букв. связки его развязались [32, с. 304].

*Як. санаа ‘мысль, дума’*

Як. *санаа* ‘мысль, дума’ – очевидный монголизм < \**sana-* ‘думать’ – п.-монг. *sana-*, халх. *sanaх*, бур. *hanaха*, вост.-югур. *sana-*, хуцз.-монгор. *sana-*, минх.-монгор. *sana-*, канцз. *sana-*, дунс. *sana-* [16, с. 482]; дагур. *санаа* ‘идея, мысль, замысел, стремление’ [34, с. 140]; *SANA-* [\**sa-na-*] – халх., даг., дунс., мнгр. *sana-*, калм. *сан-*, бур. *hana-*, бао. *суму-* ‘думать, мыслить, размышлять; припоминать; тосковать, скучать’; > тюрк.: кирг. *sana-* ‘думать, помышлять, замышлять; скучать, тосковать’; др.-тюрк. *san-* ‘думать, обдумывать, раздумывать’; *sana-* ‘считать’ [31, с. 88]. В тюркских языках распространено преимущественно в кыпчакских языках – кирг. *санаа* ‘мысль, дума’ [36, с. 480], каз. *сана* ‘сознание, мысль’ [37, с. 397], алт. *санаа* ‘мысль’ [39, с. 308], телеут. *санаа* ‘мысль, размышление’ [41, с. 72].

Як. *санаа* ‘мысль, дума’ в рамках рассматриваемого фразеосемантического поля «качественная характеристика человека» участвует в создании образа – лица высокомерного, самоуверенного: як. *улахан санаалаах* – букв. с большой мыслью [32, с. 254]. Устанавливаются параллели в сибирских языках: тув. *улуг сеткилдиг* – букв. с

большой мыслью; хак. *улуг сагыстыг* – букв. с большой мыслью [19, с. 429]. Тув. *сеткил*, хак. *сагыс* ‘мысль’ по фоноструктурному признаку и значению в якутском языке параллелей не имеют.

### **Артефакты и предметы материальной культуры**

*Як. бэргэһэ ‘шапка, головной убор’*

Якутская лексема *бэргэһэ* ‘шапка, головной убор’, вероятнее всего, восходит к монг. источнику <*börgesün* [17, с. 482] < \**bürküer* и \**bürküür* ‘крышка, накрытие’ – ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *bürkü:r*, п.-монг. *bürkegöl* ~ *bürkügöl*, *bürkeger*, халх. *bürxeer* ‘своего рода головной убор в форме конуса’, *bürxüül* ‘покрытие’, орд. *bürke:r*, *bürku:l*, бур. *berxeer*, минх.-монгор. *bərgəsī*, *bergesī* < \**bürküesün* [16, с. 295]. Вместе с тем в EDAL як. *бэргэһэ* ‘шапка, головной убор’ включен в состав тюркских параллелей: тоф. *bö`rt*, тув. *bört*, алт. *börüк*, шор. *pörüк*, хак. *pörək*, каз. *börik*, тур.(диал.) *börk* < от пратюрк. *böörk* ‘шапка, головная повязка’ [15, с. 374]. Но, как нам кажется, по фонетическому облику якутский *бэргэһэ* близок к монгольским источникам (\**bürküesün*), с сужением значения монг. ‘крышка, накрытие’ → як. ‘шапка, головной убор’; в халха-монгольском представлен в значении ‘головной убор’. Интересная параллель *bərgəsī*, *bergesī* обнаруживается в представителе южномонгольской группы – в минхэ-монгорском языке, распространенном в Китае на востоке провинции Цинхай и в провинции Ганьсу.

С участием лексемы *бэргэһэ* ‘шапка’ образуется оценочная характеристика хвастливого, нескромного человека: «*бэрдэ бэргэһэ саҕа, (үтүөтэ үтүлүк саҕа)* – букв. его смелость с шапку, (его доброта с рукавицу)» [42, с. 199]. Слова-компоненты данной устойчивой конструкции подобраны по принципу аллитерации. В народном сознании у негативного образа хвастливого человека самолюбие увеличивается до ‘головы (шапки)’, а доброта уменьшается до размеров ‘рукавицы’.

*Як. тоһоҕо ‘гвоздь’*

С. А. Иванов як. *тоһоҕо* ‘гвоздь’ сближает с бур. *гадаасо* ‘кол’ [38, с. 319] < \**gadasun* ‘кол’ и \**kadaasun* ‘гвоздь’ – п.-монг. *γadasu(n)* ‘кол, пикет, пал; штырь’, орд. *γadus(u)* ‘штырь’, бур. *gadaha(n)*, *gataha(n)* (вост.), *gahana* (зап.), хуцз.-монгор. *γadasə* ‘гвоздь’, минх.-монгор. *γadasī* ‘гвоздь’, бао. *γadsəŋ*, *γarsəŋ* ‘гвоздь, деревянный кол’, канцз. *γadasuŋ* ‘деревянный кол’ [16, с. 336].

Якутская лексема *тоһоҕо* ‘гвоздь’ в составе диалектной ФЕ характеризует непоседу, часто находящегося в движении: *тоһоҕо төбөтүгэр олоҕбут күүһүтэ* – букв. человек, севший на острие гвоздя [19, с. 495]. Возникновение фразеологического образа, видимо, связано со стереотипным представлением о том, что человек, находящийся все время в дороге, напоминает присевшего на острие гвоздя, из-за чего ему не сидится на одном месте. ФЕ со схожим признаком ‘колючести’, ‘заостренности’ обнаруживается в хакасском языке: *сымдах төзөгиттиген-тоо* – ‘постель у трудолюбивого колючая’ [43, с. 152].

*Як. чокуур ‘кремень’*

Якутский компонент *чокуур* ‘кремень’ считается монголизмом [3, с. 66]; \**čakīur* ‘кремень; сталь для кремня; зажигалка’ – ср.-монг. (Расулидский гексаглот) *čaqui:r*, п.-монг. *čakīur*, халх. *saxir*, *saxiur* ‘кремень, кварц’, бур. *saxuuir* ‘кремень’ [16, с. 299].

В якутском языке физическая твердость и крепость *чокуур* ‘кремень’ лежат в основе ФЕ, характеризующей выносливого, крепкого и надежного человека: *чокуур киһи* – букв. человек-кремень [32, с. 368]. Семантическая параллель в тув. *каң кадык* – «букв. сталь здоровая, используется в речи для обозначения здорового, крепкого человека» [30, с. 95].

*Як. оноҕос ‘стрела’*

Составители ЭСТЯ (2003) солидарны с позицией М. Рясненна, сравнившего як. *оноҕос* ‘стрела’ с монг. *оно*, *оли* ‘зарубка на стреле, стрела’, отдалив его от тюрк. *соган* ‘стрела для лука’. Исследователи при сопоставлении семантики *соган* и *оноҕос* ‘стрела без железного наконечника’ более вероятным тождеством считают \**оно* в *оноҕос* с бур.

*оно(н)* ‘зарубки на стреле, развилинки’, халх. *онь* ‘ушко, зарубка на конце стрелы’, калм. *он* ‘насечка, зарубка на конце стрелы’ [44, с. 297]. Словоформа *оно* обнаруживается кроме бур. также в ср.-монг. (Сокровенное сказание) *оно*, п.-монг. *они, оно* [16, с. 468].

В словаре Пекарского обнаруживается ФЕ с компонентом *онобос* ‘стрела’, в семантике которой зафиксировано архаическое значение. Так, человека, «приходящего на пир или дележ вовремя, но случайно» называли *көхсүгэр онобостоох* – букв. со стрелой на спине [21, стб. 2503]. А. Е. Кулаковский образно-мотивационную основу происхождения данной ФЕ видит в обыденном внешнем факторе, объясняя тем, что «якуты колчан носили, конечно, за спиной» [18, с. 137].

#### Як. *хаарбах* ‘котел’

Название металлического сосуда для приготовления пищи *хаарбах* ‘котел’ зафиксировано в говоре вилуйских якутов [45, с. 273], в словаре Пекарского сопоставлено с монг. *хажыбу* ‘маленький котелок’ [18, стб. 3352]. С. Калужинский производит от як. *хаарый-* ‘обжигать, жечь’ < монг., п.-монг. *qayari-* ‘сушить (на воздухе), жарить, поджаривать, выжигать, прижигать, обжигать’ [46, с. 281] < *QAYIBA* – халх. *хайв* ‘сковорода; котелок’ [31, с. 42]; п.-монг. *xaiba = xaibi, xaibu* ‘большой котел; сковорода для жарки’ [47, с. 911].

Металлический сосуд для приготовления пищи *хаарбах* ‘котел’ репрезентирует оценку матерого человека, выдавшего виды: *хаарбахха хаарыллыбыт киһи* – букв. человек, сварившийся в котле [41, с. 195]. В «Сокровенном сказании монголов написано»: «<...> Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос» [48, с. 112]. В древнем мире и в средневековье бросать осужденных в котел, наполненный кипятком, было распространенным видом смертной казни. Очевидно, этот отголосок былых времен сохранился в семантике якутской ФЕ.

#### Як. *холумтан* ‘шесток’

По мнению В. И. Рассадина, якутская лексема *холумтан* ‘очаг, шесток’ является монгольским заимствованием [3, с. 69], п.-монг. *ɣolumta*, х.-монг. *голомт*, калм. *хулмт* ‘очаг’ [14, с. 310], *ɣOLUMTA* [*\*ɣol-u-mta*], бур. *гуламта, голомто*, калм. *холмт, хулмт* ‘очаг’ очаг [26, с. 27]. Монголизм также устанавливается в тюркских кыпчакских языках – каз. *qolamta*; кирг. *qolomto* > тюрк. *qolamta*.

Образ негостеприимной семьи, не потчующей гостей досыта, иллюстрируется ФЕ «*тымныы холумтаннаах ыал* – букв. семья, у которой холодный шесток» [18, стб. 2945]. Так, в сознании носителей языка *холумтан* – место для разведения огня, очаг, шесток (у камелька, печи) считался сакральным, самым важным центром всего жилища, он символизировал уют, теплоту и гостеприимство домочадцев. Поэтому в мотивационной основе данной ФЕ лежит стереотипное представление о том, что у негостеприимной семьи *холумтан* ‘шесток’ холодный.

#### Як. *тулааһын* ‘опорный столб’

Якутский компонент *тулааһын* имеет широкие параллели в монгольских языках < *\*tulga* ‘опора, столб, колонна’ – ср.-монг. (Хуа и и юй) *tulqa*, ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *tulya*, п.-монг. *tulya(n)*, халх. *tulga(n)*, орд. *tulga*, бур. *tulga*, барг.-бур. *tolag*, калм. *tuly*, вост.-югур. *tu:lga, tulga*, минх.-монгор. *tulga, tolga*, канцз. *tulga* [16, с. 524–525].

В якутском языке фразеологическая номинация человека, на которого возлагается надежда семьи и близких родственников, происходит с участием компонента, относящегося к жилищу *тулааһын* ‘опорный столб’, его функциональный признак ‘подкрепление жилища’ лежит в мотивационной основе ФЕ *тулхадыйбат тулааһын* – букв. прочный опорный столб [21, с. 85].

#### Як. *баџана* ‘бревно, столб’

В. И. Рассадин як. *баџана* ‘бревно, столб’ относит к монголизмам < монг. *baɣana* ‘столб, колонна; подпорка, подставка’ [14, с. 166], п.-монг. *baɣana*, х.-монг. *bagana*, бур. *bagana*, калм. *бахэнэ* < прамонг. *\*bagana* ‘центральный столб, колонна’ [15, с. 324]; *BAɣANA* (←*\*baɣana*) – халх. *багана*, бур. *бахана*, калм. *бахн* ‘столб, колонна’; данный монголизм

также распространен в тюркских языках: кирг. *бакан* 'шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты' [26, с. 67]; алт. *бакана* 'столб; стойка, шест, подставка' [33, с. 26]; тув. *багана* 'столб; подпорка (в юрте)' [22, с. 48].

Як. *баџана* 'бревно, столб' используется в номинации бессовестного человека, которому свойственно непристойное поведение: *маска баппат баџана атах* – букв. не вмещающаяся в дерево нога размером со столб [32, с. 9].

Як. *халџан* 'дверь'

В словаре Пекарского этимология якутского *халџан* толкуется как образование от глагольной основы *хаай* 'запирать, затворять'+ аффикс *-лџан* [18, стб. 3266] и вместе с тем, по всей вероятности, эта лексема – монголизм: *QAYALYA* (*qayal-ya*) – халх., бур. *хаалга*, дагур. *хāлаг* (*хāлга*) 'ворота; дверь', калм. *хаалh* 'дорога, путь (первоначально к воротам через Великую стену)'; бур. 'дверца, калитка' [31, с. 19]. Монголизм также заимствован в тув. *хаалга* 'дверь, ворота, калитка' [22, с. 459], в алт. *каалга* 'деревянная двустворчатая дверь юрты' [33, с. 65].

В словаре Пекарского зафиксировано устойчивое сочетание «*хара тыыммар халын халџан* – букв. бедной душе моей он толстая дверь» [18, стб.3264]. Так, якутская лексема *халџан* 'дверь' в составе ФЕ организует социальную номинацию человека, являющегося для кого-то защитником, опорой и надеждой. Функциональный признак 'двери' – 'защита от посторонних' лежит в мотивационном основании данной ФЕ. Как отмечает М. Л. Ковшова, «важнейшая символическая функция самого дома – защитная, дом – надежное убежище и пристанище человека <...> сакрализация частей дома, печи, стола, порога, дверей, стен, ворот – это и многое другое приобретает с течением времени символическое значение» [49, с. 202].

Як. *орон* 'койка, кровать'

Как справедливо полагает С. А. Иванов, слово «*орон* появилось в якутском языке под влиянием монгольских языков» [38, с. 25] <\**oran* 'место; сиденье; трон; кровать' – ср.-монг. (Сокровенное сказание) *oro(n)*, п.-монг. *oro, oron*, халх. *oron*, орд. *oron*, бур. *oro(n)* 'кровать', *oron* 'страна, место', вост.-югур. *oron*, минх.-монгор. *oron* [16, с. 469]; дагур. *op* 'кровать' [34, с. 132]. А древнетюркское *орун* 'место, трон' (алт. *орын* 'кровать, постель', тув. *орун*, чув. *выран* 'койка, кровать') сохраняется в северном говоре якутского языка *орун* 'кровать, нары' [38, с. 25].

Якутский компонент *орон* 'койка, кровать' в составе ФЕ номинирует любителя долго спать, лежебоку, лентяя: *орону эрэ сылытан тахсар* – букв. <он> греет только кровать [21, с. 330]. Семантика ФЕ возникла на основе обыденного наблюдения, когда чрезмерно долгий сон/лежание на кровати выступает как признак лени, отсутствия желания работать. Схожее фразеологическое значение фиксируется в хак.: *төдирнин төзегі нымзах* – 'у лентяя постель мягкая' [43, с. 39].

Як. *сыарџа* 'сани'

Исследователи В. И. Рассадин, С. А. Иванов як. *сыарџа* 'сани' относят к монголизмам: п.-монг. *ĉirya*, монг. *чарга*, бур. *шарга* 'сани, санки, салазки' [38, с. 260]; < от монг. *ĉir* 'волочить волоком' [16, с. 180]; *ĈIRYA* (*ĉir1-ya* ←\**ĉir-ya* ←\**tir-ya*) – халх. *чарга*, бур. *шарга* 'сани' [14, с. 147]. Этот монголизм также обнаруживается в южносибирских языках: алт. *шырка* 'волокушка, посредством которой перевозились грузы на верховых животных' [33, с. 187]; тоф. *шырга* 'волокушка' [14, с. 536]. Во многих тюркских языках 'сани' \**ĉ:ana* [17, с. 535].

Як. *сыарџа* 'сани' входит в ФЕ со структурой предложения, которая выражает неодобрительную оценку скрытного человека, исподтишка затевающего нехорошее, что-то плохое: *сыыла сылдьан сыарџа быатын кэрбиир киһи* – букв. «тихонько ходючи, санные ремни перегрызает» [42, с. 169]. Очевидно, в мотивационной основе ФЕ лежит вполне стереотипная жизненная ситуация, когда сани подразумеваются как общее дело, а человек, которого считают своим, исподтишка вредительствует против них.

Як. *идьэзэй* ‘творог’

Як. *идьэзэй* ‘творог’, как и алт. *эдьегей* ‘вареный творог (в свежее кипящее молоко льют чеген и продолжают варить, пока не получится творог)’ [33, с. 189]; с хак. *эцйгей* ‘творог’ [19, с. 1058], тув. *ээжегей* ‘творог’ [22, с. 623] относятся к монголизмам: монг. *egejegei* ‘творог’ < *egede* ‘киснуть, кваситься, прокисать, свертываться (о молоке)’ [14, с. 177]; дагур. *ээдзу* ‘киснуть, кваситься, прокисать, свертываться (о молоке)’ [34, с. 230]; монг. *эдьэзэй* ‘сметана’ [39, с. 819], *EGEDE-* (\**ege4-de*), халх. (уст.), калм. *ээд-*, бур. *ээдэ-* ‘киснуть, кваситься, свертываться (о молоке)’; *EGEDEM* (*egede-m*), халх. *ээдэм*, бур. *ээдэм(эз)*, калм. *ээдм*, *ээдмг* ‘простокваша, заквашенное молоко’ [28, с. 724]; бур. *эдьхэлгэ* ‘закваска’ [50, с. 724], ойр. *ээдемг* (*ээдемг*) – «особый вид молочно-кислого продукта, готовится смешиванием бозо и теплого молока или кумыса и теплого молока» [51, с. 481].

Якутский компонент названия молочной еды *идьэзэй* ‘творог’ участвует в фразеологической номинации слабых или плохих физических и умственных способностей человека: фольк. *идьэзэй эттээх* – человек с нежным, белым, легко ранимым телом, букв. с творожным телом; фольк. *идьэзэй мэйи* – тупица, мякинная голова, букв. творожные мозги [21, с. 819]. Последнее находит параллель в тувинском языке, но с другим вариантом названия молочного продукта: тув. *хойтпак мээлиг* – букв. с хойтпак-мозгом (‘заквашенное молоко’) [22, с. 479], данный фразеологизм, как и в як. характеризует медленно соображающего, глупого человека. Так, кашеобразная, полужидкая консистенция этих молочных продуктов в сознании носителей языка ассоциируется с глупостью и скудоумием.

Як. *мохсуо* ‘городки (спортивная игра)’

В якутском языке лексема *мохсуо* ‘городки (спортивная игра)’, видимо, происходит от < *MONČUγ* (\**топчи-γ*) – халх. *монцог* ‘бунчук’; орд. *манчаг* ~ *мончог*, мнгр. *мәнчюк* ‘моток из красных шелковин или конских волос’; бур. *монсог* ‘кисть, привесок; бутон; калм. *монцг* ‘кисть, шарик, моток (украшения)’; *MONČUγUR* (\**топчи-γур*) – халх. *монцгор*, бур. *монсогор*, калм. *монцһр* ‘кусочек, комок; шарик; круглый, округлый’. Монголизм представлен в тюркских языках: кирг. *мончок* ‘бусинка, бусы; ожерелье’; тур. *boncuk* ‘разноцветные шарики, бусы’ [28, с. 173]. Наблюдается расширение значения от монг. → як. ‘городки (спортивная игра)’.

Якутская лексема *мохсуо* входит в состав устойчивого выражения, характеризующего сытого и богатого человека, питающегося жирной и обильной едой: *халын хаһанан харчы кэбиһэр, суон саалынан мохсуо кэбиһэр* – букв. играет толстым брюшным жиром, как деньгами, играет толстым шейным жиром, как городками [32, с. 328].

Таким образом, вышеприведенные монголизмы, участвующие в формировании базисного фразеологического понятия «человек» в якутском языке, характеризуются следующим образом:

1) устанавливаются региональные монголизмы, т. е. наличествующие не только в якутском языке, но и в сибирских тюркских языках, а также в кыпчакских языках (в казахском, киргизском). Следующие монголизмы, встречающиеся в алтайском, тувинском, хакасском, в отдельных случаях киргизском, казахском языках – это, возможно, а) древние монголизмы, заимствованные тюркоязычными предками якутов еще во времена, когда они проживали на «южной» прародине и тесно контактировали с монголоязычными этническими группами; и/или б) проникшие уже в географически разделенные группы тюркских языков из определенных монгольских языков (халха, бур., ср.-монг. и др.): 1) як. *сирэй* (*сырай*) ~ хак. *сырай* ~ алт. *чырай* ~ тув. *шырай* ‘лицо’; 2) як. *санаа* ‘мысль, дума’ ~ кирг. *санаа* ‘мысль, дума’ ~ алт. *санаа* ‘мысль’ ~ телеут. *санаа* ‘мысль, размышление’ ~ каз. *сана* ‘сознание, мысль’; 3) як. *бабана* ‘бревно, столб’ ~ алт. *бакана* ‘столб; стойка, шест, подставка’ ~ тув. *багана* ‘столб; подпорка (в юрте)’ ~ кирг. *бакан* ‘шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты’; 4) як. *халбан* ‘дверь’ ~ тув. *хаалга* ‘дверь, ворота, калитка’ ~ алт. *каалга* ‘деревянная двустворчатая

дверь юрты»; 5) як. *сыарба* ‘сани’ ~ алт. *шырка* ‘волокушка’ ~ тоф. *шырга* ‘волокушка’; 6) як. *издъэгэй* ‘творог’ ~ алт. *эдьегей* ‘вареный творог’ ~ хак. *эцигей* ‘творог’ ~ тув. *ээжегей* ‘творог’.

Нижеследующие монголизмы также, вероятно, а) проникли уже в географически разделенные группы тюркских языков из определенных монгольских языков (халха, бур., ср.-монг. и др.) и/или б) уже ранее приобретены на «южной» прародине в составе кыпчакского компонента – 1) як. *орой* ‘темя, макушка’ ~ кирг. *орой* ‘макушка головы’ ~ каз. *орай* ‘завиток волос на голове’; 2) як. *чончу* ‘сосок’ ~ кирг. *тончу* ‘пуговица’; 3) *кулугу* ‘сера (ушная)’ ~ кирг. *кулку* ~ хак. (саг.) *хулху, хунуха* ~ каз. *кулык* ‘ушная сера’; 4) як. *борбуй* ‘подколенки’ ~ кирг. *борбуй* ‘пах’ ~ каз. *борбай, борнай* ‘пах, ляжка’; 5) як. *холумтан* ~ каз. *qolamta* ~ кирг. *qolomto* ‘шесток’; 6) як. *мохсуо* ‘городки (спортивная игра)’ ~ кирг. *мончок* ‘бусинка, бусы; ожерелье’;

2) выявляются отдельные монголизмы, встречающиеся только в якутском языке, их можно подразделить на следующие группы:

а) монголизмы, встречающиеся во многих монгольских языках (северномонгольских, центральномонгольских, западномонгольских, в отдельных случаях в южномонгольских, киданьских): 1) як. *ньуур* ~ бур. *нууир* ~ барг.-бур. *нуу:r* ~ ср.-монг. (Сокровенное сказание) *ni’ur* ~ ср.-монг. (Хуа и И юй) *ni’ur* ~ ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *ni’ur* ~ хуцз.-монгор. *niu:r* ~ орд. *ни:r* ~ могол. *ни:r* ‘лицо человека, лик’; 2) як. *дъулай* ~ п.-монг. *ḷulai, ḷula* ~ орд. *ḷulā* ~ бур. *zulay* ~ ср.-монг. *ḷulai* ~ халх. *zulay* ~ барг.-бур. *zulai* ~ калм. *зула* (анат.) ‘темя, макушка, родничок’; 3) як. *киэли* ‘брюхо, брюшина’ ~ ср.-монг. (Сокровенное сказание) *ke’eli* ~ ср.-монг. (Хуа и И юй) *ke’eli* ~ ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *ke:li* ~ ср.-монг. (Лейденский словарь) *ke:li, keili* ~ дунс. *kieli* ~ дагур. *кээль* ‘живот, брюхо’ ~ бур. *хеэли* ‘живот, брюхо’; 4) як. *бэргэһэ* ‘шапка, головной убор’ ~ минх.-монгор. *bərgəsī, bergesī* ~ бур. *berxeer* ‘крышка, накрытие’ ~ халх. *bürxeer* ‘своего рода головной убор в форме конуса’, *bürxüül* ‘покрытие’ ~ ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *bürkü:r* ~ п.-монг. *bürkegül* ~ *bürkügül, bürkeger* ~ орд. *burke:r, burku:l* ‘крышка, накрытие’ < \**bürküesün*; 5) як. *моһоһо* ‘гвоздь’ ~ бур. *gadaha(n), gataha(n)* (вост.), *gahana* (зап.) ~ орд. *ḡadus(u)* ‘штырь’ ~ п.-монг. *ḡadasu(n)* ‘кол, пикет, пал; штырь’ хуцз.-монгор. *ḡadasə* ‘гвоздь’, минх.-монгор. *ḡadasī* ‘гвоздь’, бао. *ḡadsəŋ, ḡarsəŋ* ‘гвоздь, деревянный кол’, канцз. *ḡadasuŋ* ‘деревянный кол’, дунс. *ḡadasuŋ* ‘гвоздь’; 6) як. *тул(ааһын)* ‘опорный столб’ ~ бур. *tulga*, барг.-бур. *tolag* ~ ср.-монг. (Хуа и И юй) *tulqa* ~ ср.-монг. (Мукаддимат ал-адаб) *tulḡa* ~ п.-монг. *tulḡa(n)* ~ халх. *tulḡa(n)* ~ орд. *tulḡa* ~ калм. *tulḡ* ~ вост.-югур. *tu:lḡa, tuḡa* ~ минх.-монгор. *tulḡa, tolḡa* ~ канцз. *tulḡa* ‘опора, столб, колонна’; 7) як. *орон* ‘койка, кровать’ ~ ср.-монг. (Сокровенное сказание) *oro(n)* ~ п.-монг. *oro, oron* ~ халх. *oron* ~ орд. *oron* ~ бур. *oro(n)* ‘кровать’ ~ *oron* ‘страна, место’ ~ вост.-югур. *oron* ~ минх.-монгор. *oron* ‘место; сиденье; трон; кровать’;

б) монголизмы, встречающиеся в северномонгольских и центральномонгольских языках: 1) як. *чабырбай* ~ бур. *sabirgay* ~ барг.-бур. *samarxai* ~ п.-монг. *ḷimarqai* ~ халх. *ḷamarxay* ‘часть черепа от уха до лба, висок’; 2) як. *үүдэһин* ‘сухожилия, связки’ ~ бур. *үдөөһэн* ‘шнуровка’ ~ халх. *үдээс(эн)* ‘шнур, нить, которыми что-либо прошито; сшивка’; 3) як. *чокуур* ‘кремень’ ~ ср.-монг. (Расулидский гексаглот) *ḷaqui:r* ~ п.-монг. *ḷakiḡur* ~ бур. *saxuuir* ‘кремень’ ~ халх. *saxir, saxiur* ‘кремень, кварц’; 4) як. *оно(һос)* ‘стрела’ ~ ср.-монг. (Сокровенное сказание) *ono* ~ бур. *ono(n)* ‘зарубки на стреле, развилки’ ~ п.-монг. *oni, ono* ~ халх. *онь* ‘ушко, зарубка на конце стрелы’ ~ калм. *он* ‘насечка, зарубка на конце стрелы’;

в) монголизмы, встречающиеся в северномонгольских языках: як. *хаарбах* ‘котел’ < от як. *хаарый-* ‘обжигать, жечь’ < монг., п.-монг. *qayari-* ‘сушить (на воздухе), жарить, поджаривать, выжигать, прижигать, обжигать’ > п.-монг. *xaiba = xaibi, xaibu* ‘большой котел; сковорода для жарки’ ~ халх. *хайв* ‘сковорода; котелок’.

Необходимо выделить монголизмы якутского языка, отдаляющиеся от бурятского языка по фонетическим различиям. По всей вероятности, эти монголизмы пришли в якутский язык от среднемонгольского языка или от более древнего монгольского источника:

- 1) соответствие с ~ ч ~ ш – як. *сирэй (сырай)* ~ ср.-монг. *čirai*; ~ письм.-монг. *čirai* ~ бур. *šaray*; барг.-бур. *šarai*;
- 2) соответствие дь ~ з – як. *дьулай* ~ п.-монг. *julai, jula* ~ орд. *julä* ~ бур. *zulay*;
- 3) соответствие к ~ х – *киэли* ‘брюхо, брюшина’ ~ ср.-монг. *ke'eli, ke'li, keili* ~ бур. *xeeli* ‘живот, брюхо’;
- 4) соответствие с ~ һ – як. *санаа* ‘мысль, дума’ ~ п.-монг. *sana* ~ бур. *hanaxa*;
- 5) соответствие ч ~ с – як. *чокуур* ‘кремень’ ~ ср.-монг. *čaqu:r* ~ п.-монг. *čakiyur* ~ бур. *saxuuir* ‘кремень’;
- 6) соответствие х ~ ɣ ~ г – як. *холумтан* ‘очаг, шесток’ ~ п.-монг. *ɣolumta*, х.-монг. *голомт* ~ бур. *гуламта, голомто*.

### Заключение

Таким образом, анализируемые монголизмы, входящие в состав якутских фразеологизмов, номинируют различные «внутренние» свойства человека (ум, глупость, лицемерие, бесстыдство, ненасытность, скупость, коварство, терпеливость и т. д.), «внешние» качества (женскую красоту, пожилой, молодой возраст, физическую силу и т. д.) и социальные характеристики человека (богатство, заботливую жену, любимое дитя, лежебоку, дармоедство, негостеприимность и т. д.).

Подавляющее большинство рассмотренных якутских фразеологизмов с монгольскими компонентами не обнаруживают параллелей в тюркских языках, что подтверждает тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе его развития в условиях неkontakта с тюркскими языками Южной Сибири.

Монголизмы, входящие в состав якутских фразеологизмов, можно подразделить на следующие типы: а) монголизмы, заимствованные тюркоязычными предками якутов еще во времена, когда они проживали на «южной» прародине; б) монголизмы, ранее приобретенные на «южной» прародине в составе тюркского кыпчакского компонента; в) монголизмы, проникшие уже в географически разделенные группы тюркских языков из определенных монгольских языков; г) монголизмы, полученные через «неизвестный» среднемонгольский язык-источник и/или бурятский язык.

Якутский язык сближается с тюркскими языками Южной Сибири на основе фразеологических параллелей с региональными монгольскими компонентами як. *сирэй (сырай)* ~ хак. *сырай* ~ алт. *чырай* ‘лицо’. Обнаруженные фразеологические параллели с одинаковой семантикой, но различающимся составом в алтайском, хакасском, тувинском, казахском языках свидетельствуют о том, что данные фразеологизмы возникли на различных путях исторического развития фразеологической системы этих тюркских языков.

Внутренняя форма большинства якутских фразеологизмов с монгольскими компонентами аккумулирует собственно национальные коннотации т. е. содержит в себе культурологическую информацию: этические нормы поведения в социуме, коллективное взаимодействие, бытовые сцены из жизни, отголоски былых исторических времен.

### Список сокращений названий языков

Алт. – алтайский	Олт. – олетский
Бао. – баоньский	Орд. – ордосский
Бур. – бурятский	Орх. – орхонский-тюркский
Барг.-бур. – баргу-бурятский	П.-монг. – письменно-монгольский
Вост.-югур. – восточно-югурский	Прамонг. – прамонгольский
Дагур. – дагурский	Ср.-кыпч. – средне-кыпчакский
Др.-тюрк. – древнетюркский	Ср.-монг. – среднемонгольский
Др.-уйг. – древнеуйгурский	Тел. – телеутский
Дунс. – дунсянский	Тоф. – тофаларский
Каз. – казахский	Тув. – тувинский

Калм. – калмыцкий	Тур. - турецкий
Канцз. – канцзя	Тюрк. – тюркский
Кирг. – киргизский	Шор. – шорский
Минх.-монгор. – минхэ-монгорский	Чув. – чувашский
Мингр. – монгорский	Хак. – хакасский
Могол. – могольский	Халх. – халха-монгольский
Монг. – монгольский	Хош. – хошутский
Н.-брг. – новобаргутский	хуцз.-монгор – хуцзу-монгорский
Ойр. – ойратский (Синьцян)	Як. – якутский

### Л и т е р а т у р а

1. Burlak S. Languages, DNA, relationship and contacts / S. Burlak // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание. – 2013. – № 9. – С. 55-67.
2. Антонов, Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка / Н. К. Антонов. – Якутск : Кн. изд-во, 1971. – 174 с.
3. Рассадин, В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В. И. Рассадин. – Москва : Наука, 1980. – 116 с.
4. Широбокова, Н. Н. О якутско-монгольских контактах / Н. Н. Широбокова; отв. ред. Е. И. Убрятова // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 140–148.
5. Убрятова, Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Е. И. Убрятова. – Москва, 1960. – С. 12.
6. Иванов, С. А. Центральная группа говоров якутского языка : Фонетика / С. А. Иванов. – Новосибирск : Наука, 1993. – 352 с.
7. Федорова, С. А. Происхождение народа саха (якутов) по данным генетической археологии / С. А. Федорова, А.-М. Илумае, Э.К. Хуснутдинова // Популяционно-генетические исследования Республики Саха (Якутия). – Новосибирск : Наука, 2022. – С. 17-41.
8. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд : пратюркский период / А. В. Дыбо. – Москва : Вост. лит., 2007. – 222 с.
9. Kaluzynski, St. (1961). *Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache*. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 170 P..
10. Рассадин, В. И. Бурятизмы в якутском языке / В. И. Рассадин // Монголоведные исследования. Ч. 2. Внешние связи монгольских языков (избранное). – Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2017. – 160 с.
11. Левин, Г. Г. Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII-IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г. Г. Левин. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 439 с.
12. Иванов, Нь. М. Монголизмы в топонимии Якутии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нь. М. Иванов. – Якутск, 1997. – 20 с.
13. Шамаева, А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка : дис. ... к. филол. наук / А. Е. Шамаева. – Якутск, 2012. – 270 с.
14. Рассадин, В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / В. И. Рассадин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 608 с.
15. Starostin, S.A., Dybo, A.V. and Mudrak, O.A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden.
16. Nugteren, H. (2011). *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden* [Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap. Netherlands Graduate School of Linguistics 289]. Utrecht: LOT.
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика : 2-е изд. доп. – Москва : Наука, 2001. – 822 с.
18. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. фотомеханич. / Э. К. Пекарский. – Москва, 1959.

19. Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1115 с.
20. Боргоякова, Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь : учебное пособие / Т. Г. Боргоякова. – Абакан : Издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 144 с.
21. Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – Т.7: Нь, О, Ө, П. – 519 с.; 2011. – Т.8: С – сөллөбөр. – 572 с.; 2012. – Т.9: С – сөллөй – сээн, Ъ. – 630 с.; 2013. – Т. 10: Т: т – төһүүлээ. – 575 с.; 2014. – Т. 11.: Т – төтөллөөх – тээтэннээ. – 528 с.; 2015. – Т. 12: У, Ү. – 598 с.; 2016. – Т. 13: Х. – 639 с.; 2017. – Т. 14: Ч, Ы. – 592 с.; 2018. – Т. 15: Э. – 576 с.
22. Тувинско-русский словарь / Сост. Э. Р. Тенишев. – Москва : Самиздат, 2008. – 338 с.
23. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр / П. П. Ядрихинской–Бэдьээлэ ; олонхоһут тылыттан П. Н. Дмитриев–Туутук суруйуута. – Дьокуускай : Сайдам, 2011. – 448 с.
24. Казахско-русский фразеологический словарь / Сост.: К. Х. Кожаметова, Р. Е. Жайсакова. – Алма-Ата : Мектеп, 1988. – 224 с.
25. Тыбыкова, Л. Н. Женская красота в алтайской этнолингвокультуре / Л. Н. Тыбыкова // Актуальные вопросы преподавания в высшей школе : теория и практика. Сборник научных трудов : В 2 частях. – Горно-Алтайск, 2015. – С. 223–228.
26. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН ; гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – Москва : ИВ РАН, 2015. – 224 с.
27. Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск : Наука, 2008. – 439 с. (Т. 4: М, Н, О, Ө, П.).
28. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН ; гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – Москва : ИВ РАН, 2016. – 232 с.
29. Габышева, Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов) / Л. Л. Габышева. – Москва : РГУ, 2003. – 192 с. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38).
30. Хертек, Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь: Около 1500 фразеологизмов / Под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева ; Я. Ш. Хертек. – Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1975. – 204 с.
31. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН ; гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – Москва : ИВ РАН, 2018. – 240 с.
32. Нелунов, А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А. Г. Нелунов. – Новосибирск : Гео, 2002. –Т. 1. – 287 с. – Т. 2. – 420 с.
33. Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. – 312 с.
34. Краткий дагурско-русский словарь. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 236 с.
35. Räsänen, M. (1969). *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen*. Helsinki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Bd 17, H. 1). (In German)
36. Киргизско-русский словарь: В 2-х кн. Ок. 40000 слов / Сост. К. К. Юдахин ; переизд. кн. 2. Л.-Я. – Фрунзе : Кирг. сов. энцикл., 1985. – 475 с.
37. Бектаев, К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь / К. Бектаев – Алматы, 1995. – 703 с.
38. Иванов, С. А. Лексические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. – Новосибирск : Наука, 2017. – 392 с.
39. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – Т.1: А – 680 с.; 2005. – Т.2: Б – 912 с.; 2006. – Т.3: Г, Д, Ъ, И. – 844 с.
40. Чумакаев, А. Э. Алтайско-русский фразеологический словарь / А. Э. Чумакаев. – Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2005. – 312 с.
41. Телеутско-русский словарь / Л. Т. Рюмина–Сыркашева, Н. А. Кучигашева. – Кемерово : Кн. изд-во, 1995. – 117 с.
42. Кулаковский, А. Е. Якутские пословицы и поговорки / А. Е. Кулаковский // Научные труды [Подготовили к печати: Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов]. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – С. 106–215.
43. Бутанаев, В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь = Хоорай-орыс тархын-этнография сөстигі: учеб. пособие для преподавателей гуманитар. вузов тюркоязычных респ. России / Лаборатория этнографии НИЧ ХГУ ; отв. ред. Б. А. Татаринцев. – Абакан : Хакасия, 1999. – 240 с.

44. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – Москва : Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.
45. Диалектологический словарь якутского языка / Отв. ред.: П. С. Афанасьев, В. М. Надеяев. – Москва : Наука, 1976. – 392 с.
46. Kaluzynskiy St. (1995). *Iacutica. Prace jakutozawcze*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog. (In Polish and Russ.)
47. Mattai Haltod, John Gombojab Hangin, Serge Kassatkin and Ferdinand D. Lessing. (1960). *Mongolian-English dictionary*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press.
48. Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niġuġa tobġiyai. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Том I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / Ответственный редактор А. П. Баранников. Предисловие Н. Н. Поппе. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. – 619 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV.)
49. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова ; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2016. – 453 с.
50. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 2: О-Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. – 708 с.
51. Тодаева, Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / Б. Х. Тодаева ; РАН. КИГИ. – Элиста : Калм. кн. изд-во. 2001. – 493 с.

#### References

1. Burlak, S. (2013). Languages, DNA, relationship and contacts. *Bulletin of the RSGU. Series: Philological Sciences. Linguistics*. (9), pp. 55-67. (In Russ.)
2. Antonov, N.K. (1971). *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Kn. izd-vo. (In Russ.)
3. Rassadin, V.I. (1980). *Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Shirobokova, N.N. (1980). *About Yakut-Mongolian contacts*. In: *Peoples and languages of Siberia*. Novosibirsk, pp.140-148. (In Russ.)
5. Ubrjatova, E.I. (1960). Experience in a comparative study of the phonetic features of the language of the population of some regions of the Yakut ASSR. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.)
6. Ivanov, S.A. (1993). *The central group of dialects of the Yakut language. Phonetics*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.)
7. Fedorova, S.A. (2022). *The origin of the Sakha (Yakut) people according to genetic archeology*. In: *Population genetic studies of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Novosibirsk, pp. 17-41. (In Russ.)
8. Dybo, A.V. (2007). *Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund: Proto-Turkic period*. Moscow: Vost. lit. (In Russ.)
9. Kaluzynski, St. (1961). *Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache*. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo. (In German)
10. Rassadin, V.I. (2017). *Buryatisms in the Yakut language*. In: *Mongolian studies 2. External relations of Mongolian languages (selected)*. Elista: Kalm. university Publ. (In Russ.)
11. Levin, G.G. (2013). *Historical connection of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th-9th centuries. (in a comparative aspect with the Eastern Turkic and Mongolian languages)*. Yakutsk: NEFU Publ. House. (In Russ.)
12. Ivanov, N.M. (1997). *Mongolisms in the toponymy of Yakutia*: Ph.D. dissertation (Philology). Yakutsk, Institute of Humanitarian Research. (In Russ.)
13. Shamaeva, A.E. (2012). *Mongolian parallels of dialect vocabulary of the Yakut language*: Ph.D. dissertation (Philology). Yakutsk, Institute of Humanitarian Research. (In Russ.)
14. Rassadin, V.I. (2019). *Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)

15. Starostin, S.A., Dybo, A.V. and Mudrak, O.A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden.
16. Nugteren, H. (2011). *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden [Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap / Netherlands Graduate School of Linguistics 289]. Utrecht: LOT.
17. *Comparative-historical grammar of the Turkic languages*. (2001). Vocabulary: 2nd ed. sup. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Pekarskiy, Je. K. (1959). *Dictionary of the Yakut language*: In 3 volumes. Moscow, AS USSR.
19. Subrakova, O.V. (2006). *Khakass-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka.
20. Borgojakova, T. G. (1996). *Brief Khakass-Russian phraseological dictionary*: textbook. Abakan: KhSU named after N.F. Katanov Publ. (In Russ.)
21. Sleptsov, P.A. (2010-2018). *Large explanatory dictionary of the Yakut language*: In 15 volumes. Novosibirsk: Nauka Publ.
22. *Tuvan-Russian dictionary* (2008) / ed. Je.R. Tenishev. Moscow: Samizdat.
23. *Djyrybyna Djyrylyatta kys buhatyir* (2001) / P.P. Jadhinskaj-Bedjelye; recorded by P.N. Dmitriev-Tuutuk. Yakutsk: Saydam. (In Yakut and Russ.)
24. *Kazakh-Russian phraseological dictionary* (1988) / Comp.: K. H. Kozhahmetova, R. E. Zhajsakova. Alma-Ata: Mektep.
25. Tybykova, L.N. (2015). *Female beauty in Altai ethnolinguistic culture*. In: *Current issues of teaching in higher education: theory and practice. Collection of scientific works*: In 2 parts. Gorno-Altajsk, pp. 223-228. (In Russ.)
26. Sanzheev, G.D., Koncevich, L.R., Rassadin, V.I. and Leman, Ja.D. (2015). *Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 volumes*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
27. Tatarincev, B.I. (2008). *Etymological dictionary of the Tuvan language*. Novosibirsk: Nauka. (T. 4: M, N, O, Ө, P.)
28. Sanzheev, G.D., Koncevich, L.R., Rassadin, V.I. and Leman, Ja.D. (2016). *Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vol.* Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
29. Gabysheva, L.L. (2003). *The word in the context of the mythopoetic picture of the world (based on the language and culture of the Yakuts)*. Moscow: RSGU. (Readings on the history and theory of culture. Vol. 38). (In Russ.)
30. Hertek, Ja.Sh. (1975). *Tuvan-Russian phraseological dictionary*: About 1500 phraseological units / ed. D. A. Mongush and B. I. Tatarincev. Kyzyl: Tuvan Publ. House.
31. Sanzheev, G.D., Koncevich, L.R., Rassadin, V.I. and Leman, Ja.D. (2018). *Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vol.* Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
32. Nelunov, A.G. (2002). *Yakut-Russian phraseological dictionary*. Novosibirsk: SB RAS Publ., branch "Geo".
33. Baskakov, N.A. (1947). *Oirot-Russian dictionary*. Moscow: State Publ. of foreign and national dictionaries.
34. *Brief Dagur-Russian dictionary* (2014). Ulan-Udje: BSC SB RAS.
35. Räsänen, M. (1969). *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Bd 17, H. 1). (In German)
36. Judahin, K.K. (1985). *Kyrgyz-Russian dictionary*: In 2 books. About 40,000 words. Frunze: Kirgiz Soviet Encyclopedia.
37. Bektaev, K. (1995). *Large Kazakh-Russian, Russian-Kazakh dictionary*. Almaty.
38. Ivanov, S.A. (2017). *Lexical features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
39. Sleptsov, P.A. (2004). *Explanatory dictionary of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka, 1: 680 p.; 2: 912 p.; 3: 844 p.
40. Chumakaev, A. Je. (2005). *Altai-Russian phraseological dictionary*. Gorno-Altajsk: S.S. Surazakov Altaistics Institut.
41. Rjumina-Syrkasheva, L.T. and Kuchigasheva, N.A. (1995). *Teleut-Russian dictionary*. Kemerovo: Book Publ.

42. Kulakovskiy, A.E. (1979). *Yakut proverbs and sayings*. In: Scientific works. Yakutsk: Book Publ., pp. 106-215. (In Russ.)
43. Butanaev, V.Ja. (1999). *Khakass-Russian historical-ethnographic dictionary: textbook for teachers of humanitarian universities of Turkic-speaking republics of Russia*. Abakan: UPP Hakasiya.
44. *Etymological dictionary of Turkic languages* (2003): Common Turkic and inter-Turkic stems for the letters “L”, “M”, “N”, “P”, “S”. Moscow: Oriental literature RAS.
45. Afanasyev, P.S. and Nadelyaev, V.M. (1976). *Dialectological dictionary of the Yakut language*. Moscow: Nauka.
46. Kaluzynskiy St. (1995). *Iacutica. Prace jakutozawcze*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog. (In Polish and Russ.)
47. Mattai Haltod, John Gombojab Hangin, Serge Kassatkin and Ferdinand D. Lessing. (1960). *Mongolian-English dictionary*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press.
48. Kozin, S.A. (1941). *A secret story. Mongolian chronicle of 1240 called Monggol-un nizuča tobčiyān. Yuan chao bi shi. Mongolian everyday collection. Volume I. Introduction to the study of the monument, translation, texts, glossaries*. Moscow, Leningrad: Publ. House of the USSR Academy of Sciences. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. XXXIV.)
49. Kovshova, M.L. (2016). *Linguistic and cultural method in phraseology: cultural codes*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
50. Shagdarov, L.D. and Cheremisov, K.M. (2008). *Buryat-Russian dictionary*. Ulan-Udje: Publ. “Resp. tip.”
51. Todaeva, B.H. (2001). *Dictionary of the Oirat language of Xinqian (According to versions of “Dzhangara” songs and field notes of the author)*. Elista: Kalm. book publ. (In Russ.)

---

АНИСИМОВ Руслан Николаевич – с. н. с., зам. директора НИИ Олонхо, СВФУ им. М.К. Аммосова.  
E-mail: anisim.rn@yandex.ru

ANISIMOV Ruslan Nikolaevich – Senior Researcher, Deputy Director of the Olonkho Research Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.